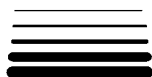
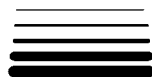

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философское измерение

МЕТАФОРА КАК КРИТЕРИЙ ИННОВАЦИИ*

В.А. БАЖАНОВ, О.А. ВАСИЛЬЕВА, С.Н. СИВЕЛЬКИНА

В современном гуманитарном знании на данный момент, как справедливо отмечает Г.Л. Тульчинский¹, в силу ряда причин исторического и социального свойства сложилась парадоксальная ситуация дискомфорта. При обилии новых текстов, созданных историками, философами, антропологами, культурологами, политологами, социологами, филологами и представленных как в бумажном варианте, так и в мультимедийном виде, влияние парадигмы постмодернистской чувствительности в ряде случаев привело к утрате системообразующих факторов.

Означивание — базовое понятие постмодернистской концепции текстовой семантики, — перенеся акцент с идеи референции на идею процессуальности обретения текстом смысла, в результате парадоксальным образом породило симулякр формальной инновационности.

Суть этого феномена в том, что постмодернизм по сути дела девальвировал для ученого мотивацию внесения нового вклада в науку, поскольку в науке «стало не только модно, но и разрешено» писать текст ради текста, причем в таком стиле его порождения, который по факту своего развертывания и существования в каждый новый момент времени, и, более того, — при каждом его новом прочтении, — уже априори решает проблему новизны. Возобладала норма, согласно которой «становление текстовой семантики никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла»².

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Традиции, преемственность и новации в отечественной логике и университетской философии», грант №10-03-00540а и проекта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013.

В результате ответственность за внесение нового вклада формально переходит от создателя «научного» текста к его читателям. А коль скоро читатель не способен внести новые измерения смысла в созданный текст, с создателя оказываются взяты гладки. Он свое дело сделал, написав текст, и вся проблема порождения и отслеживания инновации оказывается сопряженной лишь с появлением подходящего читателя. Разумеется, эта ситуация дискомфорта, набирая объем критической массы, не может не привести к соответствующей реакции научного сообщества.

Безусловно, процессы смыслопорождения, осмысления, понимания, интерпретации являются важными составляющими духовного опыта человечества. И в этом своем качестве они действительно заслуживают особого внимания, в том числе и с позиций эпистемологии. Однако очевидно, что отказ от поисков оснований их структурированности, в конечном итоге, ведет не только к когнитивной несостоятельности исследователя, но и к невменяемости социальных и личностных практик, выстраиваемых на основе тех или иных интерпретационных подходов и схем.

В этих условиях решение задачи действенного отслеживания и экспертизы инновационного потенциала гуманитарного знания в целом становится подлинно нетривиальной проблемой, требующей разработки новых подходов и ориентиров, включающих в себя среди прочего и результаты недавней истории развития современной философской практики.

Следует особо подчеркнуть: описанный выше комплекс сложившихся условий, разумеется, не отменяет необходимости экспертизы новизны в гуманитарных и социальных науках, но делает эту экспертизу существенно более нетривиальной и сложной.

Представляется, что экспертиза инноваций должна (и может) содержать в себе множество дополняющих друг друга измерений. В данной статье мы коснемся только одного из них. Оно вписывается в русло возможных направлений реагирования гуманитарного научного сообщества на постмодернистский вызов с возвратом именно к поиску оснований структурности и системности, которых постмодернизму, как нам представляется, разрушить все-таки не удалось.

При разработке подходов к указанной проблеме в основе нашей методологической позиции лежит тезис, что *в циклах коммуникации интерпретация собственно гуманитарного знания всегда осуществляется с какой-то субъективно-личностной позиции, выстраивается с некоей индивидуальной точки зрения*. Безусловно, в ее формировании принимают участие базовые ценности какой-то культуры или субкультуры, но личностное никогда до конца и целиком не сво-

дится к стереотипам, заданным социокультурно. А ведь именно эти стереотипы, как хорошо известно, постмодернизм и попытался демистифицировать и подвергнуть деконструкции, сделав шаг по направлению к иррациональности.

Тем не менее, есть основания полагать, что все возможные основания структурности и системности в результате этой тотальной деконструкции отнюдь не были разрушены. Самый общий предварительный ответ на вопрос «что же сохранилось и устояло» заключается в следующем: не изменилась природа познавательной деятельности человека как активного творческого субъекта.

Далее мы будем исходить из того, что, несмотря на влияние постмодернизма, перенесшего акцент с означаемого на процесс означивания, гуманитаристика в целом, хотя и подчинилась парадигме переноса внимания на процесс текучего смыслопорождения, в котором «новостью» является уже каждый сам по себе новый момент существования текста, однако все еще продолжает испытывать ностальгию по допостмодернистской структурности. И эту новую структурность (возможно, теперь уже смыслопорождения, а не отчужденных смыслов, как прежде), как представляется, в эпистемологическом ракурсе может обеспечить именно и в частности, — категория метафоры.

Метафора (от греч. *metaphora* — перенесение) в традиционной трактовке, вошедшей в словари, означает перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту. Таким образом, в основе возникновения метафоры лежит простейшая логическая операция отождествления. Известны многочисленные теории метафоры, которые объединяются в три больших класса³.

Первый класс теорий допускает только единственный смысл, ассоциированный со словом, фразой или предложением, выносит метафорическое значение за пределы значения фразы, буквальное значение метафоры фиксирует в парафразе, предположительно допустимом для любой метафоры, а саму метафору сводит к хорошо изученным мыслительным операциям, например, просто к сравнению. Тем самым, метафора, по сути дела, объявляется лишь прагматическим декоративным феноменом, заслуживающим особого внимания, например, в рамках риторики, но отнюдь не эпистемологии.

Второй класс теорий метафоры (субституциональный) признает *специфический характер* мыслительных процессов, как порождающих новую метафору, так и обуславливающих ее восприятие, но, как и первый класс теорий, — не допускает вариативности значений, сопряженных с метафорой. Последняя особенность

подобных теорий метафоры, по сути дела, игнорирует базовую креативно-провокативную функцию метафоры (о ней ниже), что существенно ограничивает их применимость и ценность для эпистемологии.

На наш взгляд, в эпистемологическом плане наиболее перспективен именно третий класс теорий метафоры. Эти теории, во первых, допускают наличие как буквального, так и собственно метафорического значения. Во-вторых, они апеллируют к реальной сложности когнитивных операций, сопряженных с генерацией и восприятием метафоры. В частности, «третий подход, — как отмечает А.П. Репеко, — требует признания двух различных смыслов и, следовательно, существования *двух различных механизмов анализа высказываний*»⁴. Следовало бы отметить, что признание собственно креативно-провокативной функции метафоры и указание на ее лиминальный характер, по сути дела, поддерживается только в тех теориях, которые, по крайней мере, допускают существование двух типов значений, ассоциированных со словом, фразой или предложением: буквального и метафорического (Аристотель, М. Блэк, А. Ричардс, Г. Бейтсон).

Однако в целом можно сказать, что явным ограничением теорий метафоры третьего типа является, во-первых, упрощение механизмов генерации, восприятия и понимания метафоры, а во-вторых, сведение поля метафорических значений к одному единственному значению (смыслу) метафоры. Можно привести множество фактов и аргументов в пользу мнения, что такая редукция не совсем оправдана. Более того, она на деле выводит категорию метафоры за те пределы, в которых работает эпистемология, превращая метафору по большей части в предмет анализа филологии, но, например, не когнитивной психологии.

Итак, следует подчеркнуть, что список теорий метафоры открыт: раскрытие сущности метафоры и, соответственно, познание когнитивных процессов, лежащих в основе ее порождения и восприятия, отнюдь не завершены, что требует существенной корректировки наших представлений о механизмах сознания. Серьезным препятствием на пути их дальнейшего развития, как мы полагаем, является недопущение возможности вариативности метафорических значений.

Метафора активно изучается в последнее время. В целом ее функционирование в паттернах социальной коммуникации можно свести к двум взаимно дополняющим и пересекающимся кластерам функций. Первый кластер исторически был затронут в исследованиях ранее второго, что и нашло свое выражение, в частности, в сложившихся теориях метафоры. Этот кластер можно обозначить

как набор экспрессивно-коммуникативных функций метафоры. Их наличие, с одной стороны, обусловило пристальное внимание исследователей к роли метафоры в искусстве. Но с другой, — несколько ограничило полноту энциклопедических определений метафоры. Второй кластер объединяет креативно-провокативные функции метафоры.

Примечательно в этой связи, что автор концепции продуктивного (творческого) мышления Макс Вертгеймер⁵ в свое время исключил метафору (наряду с ассоциациями) из списка внутренних ключевых механизмов творческого мышления, чем поверг современных исследователей креативности в состояние шока от парадоксальности сложившейся тем самым ситуации. Ведь именно метафора, как показывают данные современной когнитивной психологии и психологии творчества, позволяет пробудить у человека нетривиальный способ видения стоящей перед ним проблемы и помогает ему найти ее творческое решение.

Метафора особым образом используется в современной психотерапевтической практике. Здесь одна из ее распространенных, типовых методических задач — обеспечить рефрейминг жизненной ситуации, простимулировать индивида и дать ему материал для переозначивания личностных проблем, помочь по-иному расставить приоритеты, нащупать новые измерения смысла в своей повседневности.

Целенаправленная генерация целого веера метафор — один из признанных, эффективных эвристических методов осуществления инноваций в технической сфере. Здесь, прежде всего, следует указать на известную теорию решения изобретательских задач Г.С. Альтшуллера.

Что же касается собственно научной деятельности, то и здесь многие авторы по праву отводят метафоре то особое место, которого она заслуживает, именно в качестве действенного инструмента создания новых смыслов в научных описаниях закономерностей социума, когнитивных процессов, в культурологии, антропологии и других науках гуманитарного плана.

Так, например, известный британский антрополог Виктор Тэрнер⁶, изучавший в свое время нормативную герменевтику, символику и ритуалы культуры ндембу (Африка, Замбия), применительно к антропологии указывает на широко распространенную исследовательскую практику, которая сводится к процессу трансляции метафор из одной предметной области в другую. Суть этого процесса заключается в том, что антропологи, сталкиваясь с культурами, которые априори им пока еще не понятны, а соот-

ветствующие концепции не выстроены, в период сбора первичных стартовых материалов сознательно обращаются к объяснительным схемам, идеям и понятиям других родственных наук (психологии, лингвистике и т.п.).

При этом уже на стадии первичной классификации и интерпретации собранных фактов антропологу, пока в его распоряжении нет итоговой концепции, необходимы средства, выполняющие функции хотя бы временных объяснительных схем, чему и служат заимствованные со стороны процедуры, имеющие, по выражению Тэрнера, «статус метафор в сфере антропологии».

Упоминание исследований В. Тэрнера в данном контексте важно еще и потому, что именно Тэрнером введено понятие лиминальности, которое, на наш взгляд, вполне применимо к характеристике метафоры самой по себе, а именно при обозначении ее эпистемологического статуса.

Лиминальность в обобщенном смысле, по Тэрнеру, указывает на переходный характер чего либо (*limen* по-латыни означает «порог»). Так, обсуждая лиминальность в социолого-антропологическом ключе, среди множества ритуалов различного рода антропологи выделяют категорию обрядов перехода, бытующих в различных культурах. Под обрядами перехода здесь понимаются некие социокультурно зафиксированные обряды, сопровождающие всякую перемену места, состояния, социального положения и статуса. Соответственно этому можно говорить о лиминальном периоде, т.е. времени, в течение которого переход осуществляется.

Более того, поскольку антрополог описывает культуры именно человека, среди множества людей наряду с теми, кто характеризуется уже установившимися стабильными характеристиками социального положения и статуса, благодаря идее лиминальности можно выделить особые группы лиц, которые Тэрнер обозначает как «лиминальные личности». Лиминальная личность в отличие от большинства окружающих, пребывающих вне времени перехода, по тем или иным причинам как раз не имеет установившегося статуса.

Как отмечает антрополог, в силу своего промежуточного, переходного характера лиминальная личность отличается выраженной амбивалентностью, поскольку субъект перехода пребывает в том особом слое культурной динамики, в котором мало или совсем нет атрибутов прошлого или будущего его состояния. Указанная двойственность «лиминального существа» сохраняется, по крайней мере, в лиминальный (переходный) период. Она может исчезнуть по завершении перехода, хотя в ряде случаев сама история перехода из одного состояния в другое, пережитая им, в зависимости от инди-

видуальных особенностей субъекта, разумеется, может оказывать какое-то влияние на личность и в будущем.

Тэрнер подчеркивает фазовый характер перехода. Первая фаза является фазой разрыва связей личности или целой группы (например, в период, предшествующий инициации), освобождения от социальных скреп, характерных для прежнего состояния. Вторая фаза — это собственно лиминальный (переходный) период. Третья фаза — есть фаза социальной реконструкции, восстановления, реабилитации, но уже в новом для личности качестве с новыми для нее социальными обязательствами, новой этикой поведения и новыми жизненными перспективами.

Если снова вернуться к метафоре и ее реальному эпистемологическому статусу, то легко увидеть, что метафора, перетекая из одной предметной области науки в другую, также уподобляется некоему «лиминальному существу», переживая в ходе трансляции сходный фазовый характер своей динамики. Подобно тому, как лиминальная личность избавляется от сеп социального контекста в первой фазе обряда перехода, пребывает в состоянии лиминальности в собственно лиминальный период и воссоздается в новом своем качестве в новом социальном контексте, одна и та же метафора так же меняется в различных контекстах, в которые она включена до трансляции, в период трансляции и, наконец, в посттрансляционный период.

Важность указания на лиминальный характер метафоры в эпистемологическом смысле подчеркивается пристальным вниманием Тэрнера к самой идее лиминальности. Коль скоро наука связывается для нас, прежде всего, с концептом и концептуальными структурами, понять и объяснить особенности последних можно на пути рассмотрения неких альтернатив этим структурам. Метафора не является концептом. Но она фактически создает и конституирует концепт. Поэтому внимание к процессам реального функционирования метафоры в реальной исследовательской практике позволяет выстроить подходы к оценке инновационного потенциала итоговой теоретической структуры.

Так, В. Тэрнер, обращая свое внимание именно на обряды и ритуалы перехода, стремился лучше понять всю культуру изучаемого им народа в целом. «В таких обрядах, — говорит он, — нам дается “миг во времени и вне его”, а также внутри и вне секулярной социальной структуры, который обнаруживает, хотя и мимоулетно, признание (в символе, если не всегда в языке) всеобщей социальной связи, уже прервавшейся и одновременно готовой к раздроблению на множество структурных связей. Таковыми являются связи, оформленные в терминах либо “касты” и “класса”, либо “должностной иерархии”,

либо “сегментарных оппозиций” в безгосударственных обществах, излюбленных политическими антропологами. Налицо как бы две “модели” человеческой взаимосвязанности, накладывающиеся друг на друга и чередующиеся. Первая — модель общества как структурной, дифференцированной и зачастую иерархической системы политико-право-экономических положений с множеством типов оценок, разделяющих людей по признаку “больше” или “меньше”. Вторая — различимая лишь в лиминальный период — модель общества как неструктурного или рудиментарно структурного и сравнительно недифференцированного *comitatus* общины, или даже общности равных личностей, подчиняющегося верховной власти ритуальных старейшин»⁷.

В этой связи важно подчеркнуть, что идентификация и отслеживание метафор, являющихся фактическими предшественниками конкретных концептуальных структур, не мыслимы без учета контекстуального окружения этой текучей сущности, способной оставаться самой собой в различных ее состояниях и контекстах, каковой и является метафора по самой своей природе.

В рамках конкретной теоретической конструкции метафора может выполнять и роль «первичного проблеска», инициирующего поисковую активность исследователя, и роль первичного центра кристаллизации (гештальта), вокруг которого выстраиваются промежуточные схемы объяснения и интерпретации, и, наконец, роль базовой метафоры (иногда в неявной замаскированной форме), кладущейся в основу всей объяснительной конструкции в ее предельно концептуализированной форме⁸.

Отсюда понятно, что метафора по сути дела является переходным когнитивным феноменом между прозрением (интуицией) и концептом.

Лиминальный характер метафоры отнюдь не гарантирует, что метафора с необходимостью становится концептом. В ряде случаев этот процесс в научной деятельности становится возможным. Однако существует такой, например, феномен, как паранаука, в которой конкретная метафора может так никогда и не дозреть до статуса концепта. Судьба конкретной метафоры всегда конкретна.

Лиминальность метафоры, однако, может потерять свою реальную ценность для науки, если метафора не становится шагом к концепту. Демонстративный пример — психодинамическая теория Фрейда, с начала до конца выстроенная на метафорах («психическая энергия» — либидо), но не имеющая в своей основе прочных концептуальных мостов с научным знанием, сложившимся до того. В результате образуются «псевдоконцепции», конструирую-

щие свою специфическую предметную реальность по факту своего существования.

Нельзя не отметить, что лиминальность метафоры проявляет себя и в ее тесной связи с феноменом веры, хотя эта ее особенность не исчерпывает до конца ее сущности. Метафора иногда с успехом внушает своему адресату убеждение: «это есть». И в ряде случаев для целей внушения и используется. Благодаря этой особенности ее функционирования зачастую возникают основания говорить о харизматичности метафоры.

В этой связи следует указать на развитые комплексы знания (символические миры), включающие в себя мощные метафорические слои, которые даже не пытаются трансформироваться в концептуальные теоретические структуры, характерные для подлинной науки. Если для научно-ориентированных комплексов знания должны выполняться, по крайней мере, три необходимых условия, а именно, условия соответствия действительности, логической непротиворечивости и связности, то символические миры, характерные для разного рода верований, в частности, религиозных, ценны сами по себе уже потому, что они созданы и существуют. При этом отмеченные выше необходимые для науки условия для символических миров необходимыми вовсе не являются. В связи с этим метафора, пребывающая в контексте религиозных верований, подчиняется совершенно иной логике.

Роль метафоры в религии, в частности, в христианстве, обсуждалась Г. Бейтсоном, показавшим, что представления о Боге как Отце, характерные для религий авраамического толка в целом, носят чисто метафорический характер. Так, ключевая метафора «Бог — Отец» была положена в основу теологии христианства, развита до метафорических же представлений о Троице, включена в символ веры и, тем самым, определила собой характер вторичных и иных многопорядковых производных метафор. В конечном итоге, эта первичная метафора стала «закосневшей», незыблемой основой ортодоксальности христианства.

Однако тот же Г. Бейтсон показал, что религиозные верования балийцев выстраиваются на совершенно иной, альтернативной метафоре, а именно, метафоре «Боги — Дети людей»⁹. Очевидно, что базовая протохристианская метафора, первоначально заимствованная из иудаизма, приобрела расширенные возможности для своего влияния в силу конкретных исторических, социальных и политических причин. Но также очевидно, что можно было бы помыслить иной путь трансформации и развития той же самой ключевой протобалийской религиозной метафоры. Если бы эта возможность реализовалась в действительности, мы сегодня имели бы наверняка

не только совершенно иные представления о характере основных мировых религий, но и, возможно, иной междивизиационный баланс, и, в конечном итоге, — иные перспективы социокультурной динамики для самых различных этносов и наций.

При анализе характера религиозных верований, выстроенных целиком на метафорах (о чем свидетельствует хотя бы широкое использование в них разного рода притч, коанов, нарративов), важно, тем не менее, учитывать, что и при их вызревании и росте также задействован процесс трансляции метафор из самых разных источников. Так, например, Юлиус Эвола показал, что западная теология во многом базируется на выделении типичных психопатологических феноменов пубертата в качестве того первичного материала, на котором строится интерпретация уже религиозных прозрений без указания их прямых связей с психопатологией¹⁰.

Сказанное выше о связи метафоры и феномена веры отнюдь не означает указания на меньшую гуманитарную ценность метафор, обнаруживаемых, скажем, в системах верований. По самой своей природе метафора как лиминальная сущность — это способ потенцирования смысла, или, иными словами, инструмент сканирования и вычерпывания в актуальную реальность возможностей соответствия одного объекта (отношений, слоев реальности) другому объекту (отношениям, слоям реальности).

Более подробного обсуждения в данном контексте заслуживает вопрос о структурности, сопряженной с метафорой.

Любой процесс предполагает преемственность и новизну, раскол и реинтеграцию, структуру, деструкцию и реструктуризацию. Из этого ясно, что изучение структур, в частности, концептуальных, в их статике в полной мере не может отражать все значимые характеристики их инновационности. Как правильно заметил Г.С. Баранов, «многочисленные исследовательские экскурсы в историю науки неоспоримо засвидетельствовали тот факт, что целые фрагменты научного языка являются метафорическими по происхождению, и, более того, в отдельные — межпарадигмальные — периоды развития науки многие выражения и термины также и функционируют как метафорические»¹¹.

Лиминальный характер метафоры является тем важным основанием, которое фундирует обращение к метафорическому слою при решении задач гуманитарной экспертизы инновационности.

Однако метафорический слой вовсе не является бесструктурно-текучим, как можно было бы предположить при первом с ним столкновении. Напротив, в нем также присутствует структурность, но, разумеется, структурность иного рода, которая характерна для концептуального слоя.

Теория метафоры, опирающаяся на вскрытие закономерностей реального функционирования метафор, разумеется, должна учитывать особые внутренние психологические условия понимания метафоры. Метафора является не только коммуникативно-экспрессивным средством, выражающим для адресата некоторое новое содержание. Такая ограниченная трактовка сущности метафоры делает лицо воспринимательное метафорический посыл автора пассивным субъектом, каковым оно никогда не является.

Именно в метафорическом плане содержания субъект восприятия оказывается наиболее активным и, более того, креативным. Метафора особым образом провоцирует своего адресата к пробуждению его творческой способности к порождению новых смыслов. Именно метафора делает читателя действенным со-творцом автора в создании смыслового наполнения нового литературно-художественного произведения.

Внимание к кластеру креативно-провокативных функций метафоры как раз и означает, с одной стороны, апелляцию к процессу порождения стабильных концептуальных структур, выступающих в качестве итога исследовательского процесса, а с другой, — дает ориентиры для выявления того типа структурности, который характерен для метафор. Креативно-провокативная способность метафоры тесно связана с нечеткостью смыслов, которые вкладываются создателем метафоры в ходе операции нетривиального логического отождествления качественно различных срезов реальности. И именно эта нечеткость становится условием интерпретационного со-творчества в актах коммуникации автора и адресата метафоры.

Принципиальной особенностью метафоры, которая по сути дела и лежит в основе системности и структурности процесса интерпретации, является ее теснейшая связь с гештальтом. Речь идет о способности метафоры создавать в сознании адресата коммуникации не просто цепь ассоциаций, но целостный наглядный образ, который выступает в качестве заправки целого сгустка вторичных отсылок к новым смысловым полям, прямо не сопряженным с интерпретацией первичного гештальта.

Серьезной заслугой постмодернизма было открытие нового типа структурности знания, который имеет отношение и к структурности, характерной также для метафоры. Речь идет о структурах типа ризомы, по определению не имеющей выделенного главного центра. Так, в ризоме метафорического слоя одна какая-либо метафора может прорасти в другую, та в третью, а обе они вместе могут давать побочные коллатерали, которые через посредство множества других метафор снова возвращающихся в каждую из них, обогащают процесс интерпретации новым метафорическим содержанием,

привнесенным с «периферии» данной метафоры. Однако вопрос о принципиально ином типе структурности, сопряженном с функционированием метафор, вовсе не сводится только к вопросам о связи метафоры и гештальта, метафоры и ризомы.

Процесс трансляции метафор из одной предметной сферы в другую, о котором шла речь выше, также накладывает свой отпечаток на структурные характеристики метафорических слоев, обнаруживаемых в пределах определенных теоретических концепций.

Таким образом, любая инновация может быть описана как в ракурсе генерации и модификации метафор, так и, соответственно, в плане изменения поля взаимодействующих друг с другом контекстов, сопряженных с конкретными метафорами.

В самом первом приближении можно указать на следующие типовые варианты возможных инноваций: 1) разрушение заостренней метафоры; 2) расширение списка (ансамбля) опорных метафор; 3) смещение акцентов в ансамбле метафор; 4) творческий перенос (трансляция) метафоры из одного предметного поля в другое (из одной дисциплины в другую); 5) наведение мостов между отдельными дисциплинами через посредство новых метафор или их ансамбля; 6) дополнение базовой метафоры, характерной для прежней теории (концепции), новой альтернативной метафорой; 7) расширение центрального (периферического) пула базовой и (или) альтернативной метафоры; 8) разрушение дихотомической структуры пула метафор; 9) децентрация ансамбля метафор; 10) проявление структуры ризомы метафор; 11) радикальная смена прежнего ансамбля метафор; 12) генерация и введение принципиально новой метафоры; 13) радикальная смена базовой метафоры; 14) введение рефлексивной метафоры; 15) введение метафоры-моста между двумя и более языковыми играми.

Уже сам по себе приведенный перечень показывает всю сложность и неоднозначность результатов возможного анализа метафорического слоя, который может осуществляться в пределах знаниевых комплексов гуманитарного характера при оценке их новизны. Однако игнорировать эти слои с эпистемологических позиций, как это сегодня становится ясно со всей очевидностью, было бы неоправданной редукцией сложного живого и неоднозначного к чему-то простому и абстрактному.

Дело еще усложняется тем, что, разумеется, метафора при всем этом не теряет своей связи со стилевыми особенностями литературного или научного произведения автора и помимо всего прочего может всего лишь отражать особенности авторского стиля. Не все метафоры попадают в пограничный слой между прозрением и концептом. Даже нетривиальная метафора, чтобы нести в себе зародыш

новой жизни нового научного знания должна строиться на операции отождествления двух объектов (отношений, слоев реальности) не просто в «некотором смысле», но в некотором существенном смысле. И, наконец, метафора может быть креативной и нетривиальной, а может оказаться банальной.

Сегодня также уже очевидно, что способность к генерации нетривиальных метафор не только оказывается характеристикой литературного стиля того или иного автора, но и является одним из релевантных прогностических признаков креативности его мышления, указывает на потенцию ученого создавать новое знание. В этом своем эпистемологическом качестве вновь возникшая метафора (или даже не всегда заметная для глаза авторская модификация метафорического слоя) может оказаться зачатком новой плодотворной гипотезы, живой точкой роста нового концепта, понятия, теории.

Итак.

- Эпистемологический статус метафоры является, с одной стороны, промежуточным между прозрением (интуицией) и концептом, между субъективным и объективным, а с другой, — именно благодаря своей пограничности, — связующим в одно единое целое гуманитарные и социальные науки (философию, антропологию, историю, культурологию, религиоведение, этику, социологию, политологию, этнологию, психологию, психотерапию).

- Внимание к метафоре в процессе гуманитарной экспертизы новизны оправдано тем, что отвлеченное изучение сугубо концептуальных структур в их статике может дать искаженное представление о характере вклада ученого. Метафора же, по сути дела, отражает характер динамики по генерации этих структур, благодаря чему взаимодействия, столкновения и переливы метафор несут в себе информацию о том новом, чего удалось добиться ученому в своих изысканиях.

- В пределах конкретного гуманитарного научного знания метафора может выполнять множество самых различных функций. Отслеживание и идентификация реальных функций метафоры при этом не всегда просты и однозначны по своим результатам. Эти обстоятельства требуют целенаправленной разработки общих эпистемологических принципов и подходов для анализа специфической логики функционирования метафоры в пределах научного знания.

- Экспликация и оттачивание ведущих методологических принципов анализа метафорического слоя научной концепции или теории может базироваться на разделении двух взаимосвязанных наборов реальных функций метафоры: экспрессивно-коммуникативного и креативно-провокативного кластеров функций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Серия «Мыслители». Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 423 – 438.

² Можейко М.А. Означивание // Всемирная энциклопедия: Философия XX века. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 538 – 539.

³ См.: Репеко А.П. Метафора // Всемирная энциклопедия: Философия XX века. – С. 471 – 474.

⁴ Там же. – С. 471.

⁵ См.: Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М.: Прогресс, 1987.

⁶ См.: Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983.

⁷ Там же. – С. 83.

⁸ См.: Гогоненкова Е.А. Эпистемологический статус метафоры: экспозиция проблемы // Credonew. 2004. №4 // <http://credonew.ru/content/view/409/56/>

⁹ См.: Бейтсон Г., Бейтсон М.К. Ангелы страшатся. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1994.

¹⁰ См.: Эвола Ю. Метафизика пола. – М.: Беловодье, 1996. – С. 126.

¹¹ Баранов Г.С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. Ч. 2. Теория научной метафоры. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – С. 4 – 6.

Аннотация

В статье в духе семантического направления теорий метафоры указываются на некоторые проявления реального функционирования метафоры, рассматриваются основания для выявления структурности метафорического плана содержания, а также предлагается типология возможных функциональных ролей метафоры.

Ключевые слова: гуманитаристика, научное знание, концепт, метафора, лиминальность, эпистемология, инновация, экспертиза новизны, постмодернизм.

Summary

Semantic approach to the metaphor analysis give the possibility to describe some hidden sides of metaphor functioning, structure of metaphoric content, and propose typology of metaphor functions.

Keywords: humanities, scientific knowledge, concept, metaphor, liminality, epistemology, innovation, expert appraisal, postmodernism.